

КРИМИНАЛЬНЫЕ И СУДЕБНЫЕ ИСТОРИИ

СЕРГЕЙ ХОЛОДОВ

35 РЕЗОНАНСНЫХ
И КРОВАВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

УГОЛОВНЫЙ РОЗЫСК В СССР

Советский уголовный розыск оказался одним из самых эффективных правоохранительных органов, пожалуй, за всю историю Отечества

Криминальные и судебные истории

Сергей Холодов

**Уголовный розыск в
СССР. 35 резонансных и
кровавых преступлений**

«Алисторус»

2022

УДК 327
ББК 66.4

Холодов С. А.

Уголовный розыск в СССР. 35 резонансных и кровавых преступлений / С. А. Холодов — «Алисторус», 2022 — (Криминальные и судебные истории)

ISBN 978-5-00180-478-9

35 самых резонансных и кровавых уголовных дел 1918 – 1991 годов через призму истории советского уголовного розыска. Некоторые преступления, о которых пойдёт речь, широко известны по кинофильмам и народной молве. Мы покажем их истинную подоплёку. Другие — не менее важные и эффектные дела — до сих пор оставались под грифом «секретно».

УДК 327

ББК 66.4

ISBN 978-5-00180-478-9

© Холодов С. А., 2022

© Алисторус, 2022

Содержание

ОТ АВТОРА	5
ГЛАВА 1. МОСКВА БАНДИТСКАЯ	7
ГЛАВА 2. ПО СЛЕДАМ ЗАЕЗЖИХ ГАСТРОЛЕРОВ	13
ГЛАВА 3. УЧИТЬСЯ, УЧИТЬСЯ И ЕЩЕ РАЗ УЧИТЬСЯ!	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Холодов Сергей Альбертович

Уголовный розыск в СССР. 35

резонансных и кровавых преступлений

ОТ АВТОРА

Осень 1918 года. В России полыхает гражданская война. Против новой власти то в одной, то в другой губернии вспыхивают восстания и мятежи. Советское правительство контролирует лишь незначительную часть территории страны. Но и в столице молодой советской республики – Москве – власть большевиков по сути лишь номинальная. Реальными хозяевами первопрестольной стали бандитские шайки. Город поделен между преступными группировками. Молодая советская милиция явно не справляется с бурным всплеском уголовной преступности. Нет ни опыта, ни соответствующей техники, да и людей катастрофически не хватает: большинство сознательных рабочих, которые считались опорой новой власти, призваны в Красную армию или направлены в деревни в составе продотрядов – изымать хлеб у кулаков. А старые специалисты либо сами не спешат идти на службу новой власти, либо власть не спешит обращаться к услугам бывших царских чиновников.

И вот тогда в структуре рабоче-крестьянской милиции было создано новое подразделение – уголовный розыск. Согласно постановлению НКВД РСФСР от 5 октября 1918 года, угрозыск предписывалось создавать во всех городах республики с населением свыше 40 тысяч человек. Одним из первых уголовный розыск появился в Москве. Тогда он назывался МУУР – Московское управление уголовного розыска. Позднее одна буква «У» из аббревиатуры выпала, и название ведомства приняло привычное для нас начертание – МУР.

В течение последующих нескольких месяцев аналогичные структуры появились и в других городах республики. Правда, кое-где этот процесс растянулся на долгие годы. Оно и понятно: в условиях гражданской войны и иностранной интервенции, когда многие города и веси России по несколько раз переходили из рук в руки, строительство нового государственного аппарата, в том числе и правоохранительного, шло с большим трудом. И только в начале 1920-х годов более или менее стройная система противодействия криминалу в масштабах страны была создана и заработала на полную катушку.

Советский уголовный розыск оказался одним из самых эффективных правоохранительных органов, пожалуй, за всю историю Отечества. В любых, даже самых сложных, условиях сыщики угрозыска демонстрировали высший пилотаж оперативно-следственной работы. Даже когда немцы стояли у ворот Москвы и, казалось, вот-вот войдут в город, Московский уголовный розыск умудрялся раскрывать сложнейшие преступления. В тяжелейшие послевоенные годы, в условиях разрухи и голода, советские сыщики в рекордно короткие сроки покончили с бандитизмом и националистическим подпольем. Благодаря мастерству советских профессионалов сыска не осталось нераскрытым ни одно серьезное преступление хрущевской и брежневской эпохи. Даже в горбачевские и ельцинские времена, когда рушились устои общества, а верховная власть самоустранилась от решения насущных социальных проблем, сотрудники уголовного розыска и их коллеги из других правоохранительных ведомств успешно противостояли обнаглевшему криминалу.

На протяжении восьми десятилетий – с момента своего образования и до конца XX столетия – уголовный розыск, как и вся правоохранительная система страны, неоднократно подвергался реформам и вмешательству извне. И не всегда эти новации шли ему на пользу. Но несмотря на это, сотрудники уголовного розыска продолжали выполнять свою столь необхо-

димую для общества работу, оставаясь образцом профессионализма и добросовестного служения однажды избранному делу.

О некоторых эпизодах этой самоотверженной работы и пойдет ниже речь.

ГЛАВА 1. МОСКВА БАНДИТСКАЯ

Считается, что в Москве, как и по всей стране, уголовный розыск был создан в октябре 1918 года. Это верно лишь отчасти.

Во-первых, уголовный розыск в Белокаменной существовал задолго до известного приказа по НКВД – аж с 1881 года. Правда, назывался он несколько иначе: Московский уголовный сыск, или МУС. Отсюда и пренебрежительная кличка «мусор», которой уголовники наделили работников ведомства, а затем и всех, кто имеет отношение к охране правопорядка. Впрочем, иногда встречается и другое название ведомства: Московская сыскная полиция.

До революции МУС возглавлял один из самых именитых сыщиков России, ближайший соратник легендарного Аркадия Кошко, Карл Петрович Маршалк. После Октябрьской революции их судьбы сложились по-разному. Кошко уехал за границу, не приняв новую власть. А вот Маршалк остался. Более того, он и почти все сотрудники Московской сыскной полиции изъявили желание и дальше работать на ниве борьбы с уголовной преступностью и даже в начале 1918 года умудрились распутать сложнейшее дело – кражу ценностей из Патриаршей ризницы Московского кремля. Так что, Московская сыскная полиция оказалась в числе тех немногих учреждений царской России, сотрудники которых не саботировали решения новой власти, а, наоборот, активно с ней сотрудничали.

Все изменилось летом 1918 года. Карл Маршалк неожиданно для многих уехал за границу: сначала в Прибалтику, а потом по приглашению «самостийного» правительства гетмана Скоропадского – на Украину. Осенью 1918 года в Киеве Маршалк занимал должность градоначальника. Правда, совсем недолго, поскольку уже в ноябре того же года «правительство» Скоропадского, державшееся исключительно на немецких штыках, приказало долго жить, а Киев вскоре заняли петлюровцы. Власть в «матери городов русских» в очередной раз поменялась. И следы Маршалка после ноября 1918 года потерялись.

По одной из версий, уйти из сыска, а потом и вовсе покинуть Россию Маршалка вынудил некто Карл Гертович Розенталь. Этот пламенный большевик с большим стажем партийной работы в первые месяцы революции сделал стремительную карьеру на правоохранительном поприще. Сначала, еще при Керенском, Розенталь трудился в одной из комиссий Моссовета, а затем получил назначение в ведомство Карла Маршалка – приглядывать за старыми специалистами и наставлять их в случае надобности на путь истинный. На жаргоне тех лет эта должность называлась комиссар Уголовно-розыскной милиции города Москвы.

С первых же дней совместной деятельности Карл Петрович не сошелся с Карлом Гертовичем во взглядах на суть розыскной работы. Маршалка, очевидно, раздражала мелочная опека со стороны Розенталя и постоянные разглагольствования на революционные темы, которыми тот подменял конкретную оперативно-розыскную работу. Кстати, по словам многих, кто знал Розенталя, он действительно отличался повышенной словоохотливостью и умением имитировать бурную деятельность. Для сыскной работы это было не самым удачным качеством характера, а вот для карьеры – напротив. Неслучайно, когда осенью 1918 года в Советской России стали создаваться подразделения уголовного розыска, Карл Розенталь возглавил ни много ни мало – Центроуголовный розыск, то есть организацию, призванную руководить оперативно-розыскной работой в масштабах страны. А еще какое-то время параллельно руководил и только что созданным Московским управлением уголовного розыска. Правда, уже весной 1919 года Розенталя освободили от всех постов в системе уголовного розыска и даже, по одной из версий, арестовали. Поговаривали, что причиной ареста послужили многочисленные должностные злоупотребления Карла Гертовича. В течение последующих нескольких лет Розенталь еще мелькал на каких-то второстепенных должностях в системе советских и хозяйственных орга-

нов, после чего его следы окончательно затерялись. Но вернемся к ситуации в Москве осенью 1918 года.

С отъездом Маршалка из Москвы сыскная работа в городе была приостановлена. Так что, осенью 1918 года, когда вышло знаменитое постановление НКВД о создании подразделений уголовного розыска, в Москве, по сути, борьбой с криминалом никто не занимался. Приход к руководству МУУРом Карла Розенталя также мало что изменил: первые месяцы своего существования Московское управление уголовного розыска существовало, скорее, номинально. По-настоящему МУУР заработал лишь в начале следующего, 1919, года, когда ведомство возглавил бывший матрос Балтийского флота Александр Трепалов. К тому времени Трепалов уже послужил в составе ЧК и был на хорошем счету у чекистского руководства. Говорят, его лично знал глава ВЧК Феликс Дзержинский. Он-то и рекомендовал Трепалова на пост руководителя Московского уголовного розыска.

Имя Александра Трепалова, вероятно, мало что скажет большинству современных читателей. Между тем, именно Трепалов поднял работу угрозыска в Москве на такую высоту, что это признавали даже старые сыщики, служившие при царском режиме. Именно Трепалов сумел в короткие сроки очистить столицу Советской России от банд уголовников, заполонивших город. Наконец, Александр Трепалов воспитал целую плеяду блестящих советских сыскарей, составивших красу и гордость нашей правоохранительной системы.

А начинать пришлось практически с нуля. В начале 1919 года правоохранительной системы в Москве, как и по всей стране, не существовало. Зато преступники всех мастей чувствовали себя превосходно. К счастью, в Москве еще оставались опытные сыщики, работавшие когда-то в уголовной полиции царской России. Их и сумел привлечь к сотрудничеству новый начальник столичного угро. Основная задача старых специалистов – передавать свой бесценный опыт молодым оперативникам из числа рабочих, солдат и балтийских матросов, направляемых на службу в МУУР. Трепалов и сам учился у специалистов царского времени и требовал этого от своих подчиненных.

А давалось это порой с большим трудом. Многие правоверные большевики с явной неприязнью относились к старым специалистам, считая их априори врагами новой власти. К тому же в первые революционные годы многие правоверные большевики буквально бредили идеями мировой революции. Считалось, что в новом мире, который вот-вот установится на всем земном шаре, в принципе не будет таких уродливых явлений, как преступность. А значит, нет никакого смысла всерьез с ней бороться – скоро она исчезнет сама собой. И подобного рода взгляды в те годы были в порядке вещей.

Эта коллизия хорошо показана в советском телефильме «Рожденная революцией». Вспомним эпизод в первой серии картины, когда группа молодых рабочих, направленных на службу в милицию, явилась в здание бывшего полицейского архива. Новоявленных милиционеров там встретил бывший служащий сыскальной полиции Российской империи некто Колычев. Он-то и провел, по сути, первое учебное занятие, рассказав вчерашним рабочим о специфике уголовного сыска. Реакция свежеиспеченных милиционеров была в духе того времени: никто не придавал серьезного значения словам старого сыскаря, посчитав их типичной буржуазной пропагандой. Более того, свежеиспеченные милиционеры сами прочитали Колычеву лекцию о том, что преступность – это пережиток старого мира и в новом обществе ничего подобного не будет.

Правда, уже довольно скоро этот революционный идеализм, столкнувшись с суровой действительностью, подвергся существенной корректировке. Выяснилось, что преступность не только не собирается исчезнуть сама собой, но и с каждым месяцем набирает обороты.

За один только январь 1919 года московские бандиты совершили 60 дерзких нападений, сопровождавшихся убийствами и насилием. При этом с особым смаком преступники расправлялись с представителями власти, особенно с милиционерами. Ну а когда разбойники напали

на самого Ленина, ограбив вождя мирового пролетариата и угнав его автомобиль, терпение власти лопнуло. Собственно, с этого момента и началась реальная борьба московской милиции с уголовным миром.

Нападение на главу Совнаркома произошло морозным январским утром 1919 года, когда Ленин спешил на елку в так называемую Лесную школу. Школа находилась в Сокольниках посреди парка на шестой лучевой просеке. Это было учебное заведение санаторного типа, в котором жили дети, в том числе и совсем маленькие. На въезде в парк машину вождя мирового пролетариата остановили неизвестные люди и настоятельно попросили пассажиров и водителя отдать им транспортное средство. Поскольку просьба была подкреплена весьма весомым аргументом в виде револьверов, Ленин и его спутники покорно вышли из машины. А преступники без лишних слов вскочили в салон и мгновенно скрылись в морозной дымке.

Говорят, Ильич отнесся к этому недоразумению с юмором и даже посмеивался, глядя, как его охранник с виноватым видом пытался достать застрявший в кармане куртки пистолет. По другой версии, вождь мирового пролетариата пытался образумить преступников, взывая к их революционной совести и пролетарскому сознанию. Впрочем, пламенные речи Ленина не произвели на бандитов никакого впечатления.

Когда преступники скрылись, Ленин и его спутники добежали до здания Сокольнического райсовета, расположенного неподалеку, и связались по телефону с председателем ВЧК Феликсом Дзержинским. Поднятые по тревоге московские чекисты и милиционеры быстро блокировали все центральные улицы. И вскоре в районе Якиманки машину с бандитами удалось остановить. Правда, преступники оказали яростное сопротивление. В перестрелке погибли двое постовых сотрудников милиции. Однако машину бандиты бросили и попытались скрыться во дворах. Но и это им не удалось. В течение двух последующих дней столичным сыщикам удалось задержать нескольких участников разбоя. По решению коллегии ВЧК все бандиты, причастные к нападению на Ленина и убийству двух постовых, были расстреляны.

В ответ подельники разбойников угнали еще несколько автомашин и в ночь на 22 января устроили в Москве настоящую бойню. В течение нескольких часов бандиты разъезжали на угнанных машинах по городу и расстреливали всех, кто попадался им на глаза. В результате были убиты несколько стражей порядка, пытавшихся задержать преступников. Особенно свирепствовала шайка Сабана. Его подельниками в разных районах Москвы было демонстративно застрелено 16 постовых милиционеров. Еще двух сотрудников милиции убили члены другой преступной группы – под руководством Гусека – во время налетов на магазины и отделение банка.

Утром 22 января в Моссовете было созвано экстренное совещание, на котором присутствовали представители Московской ЧК и уголовного розыска. Перед руководством МУУР была поставлена задача: в короткий срок очистить город от обнаглевших уголовников. Забегая вперед, отметим, что с этой задачей московские сыщики справились. Уже в 1920 году количество убийств и разбоев сократилось в 3 раза, а грабежей – в 9 раз.

На совещании в Моссовете 22 января 1919 года были разработаны и первоочередные меры по противодействию обнаглевшим преступникам. Во-первых, штат московской милиции увеличивался до 8 тысяч человек. Все сотрудники милиции освобождались от призыва на воинскую службу и получали красноармейский паек. Во-вторых, Московскому уголовному розыску были переданы шесть автомашин, улучшалось материальное обеспечение сотрудников угро, их вооружение и оснащение. А кроме того, на службу в МУУР были переведены несколько опытных сотрудников Московской ЧК. Среди них – Александр Трепалов.

Но самый главный вывод, который сделали власти из драматичных событий января 1919 года, можно сформулировать так: без хорошо организованной и оснащенной милицейской службы одолеть преступность невозможно. С иллюзиями относительно того, что язвы старого мира рассосутся сами собой, было покончено раз и навсегда.

В начале 1919 года самой опасной шайкой в Москве считалась банда Якова Кошелькова. За ней столичные сыщики охотились в течение нескольких месяцев. Чтобы выйти на след бандитов, Московской уголовный розыск провел общегородскую облаву, одновременно проверив все существовавшие на тот момент ночлежки, меблированные комнаты и притоны. В результате операции было задержано свыше 200 человек, изъято большое количество оружия.

Однако главаря шайки и его ближайших подельников взять нахрапом не удалось. Понадобилось еще несколько дней кропотливой работы, прежде чем удалось вычислить место, где скрывался Кошельков. Но и там главаря не оказалось. В ходе операции были задержаны лишь четверо его подельников. На допросе в МУУРе один из них раскололся и назвал еще две квартиры, где частенько бывал Кошельков. По обоим адресам тут же отправились две группы муровцев. Но Яшка словно сквозь землю провалился. То ли нюх у бандита был, как у собаки, то ли кто-то из дружков успел шепнуть о готовящейся облаве, но Кошельков исчез буквально из-под носа у муровцев.

Казалось, след главаря потерян. Но внезапно на помощь сыщикам пришел... сам Кошельков. Он так обиделся на сотрудников милиции за то, что они разгромили костяк его банды и едва не изловили его самого, что решил мстить. Убив двух сотрудников ЧК, Кошельков завладел их документами и под видом чекиста начал проводить обыски на предприятиях и в учреждениях. В течение весны 1919 года Кошельков навестил несколько столичных учреждений и частных квартир, улов бандита составил не менее килограмма золота и драгоценных изделий.

Следующей на очереди была сберкасса в подмосковном городе Щелково. К ограблению кассы Кошельков с подельниками готовились особенно тщательно и долго. Но это, скорее всего, и подвело преступников. О готовящейся акции стало известно сотрудникам МУУР. Возле здания сберкасс муровцы устроили засаду. 21 июня 1919 года ничего не подозревавший Кошельков со своим верным подручным Бариновым напоролись на сотрудников уголовного розыска как раз в тот момент, когда попытались взломать входную дверь. В ходе завязавшейся перестрелки оба бандита были ликвидированы.

Параллельно с ликвидацией банды Кошелькова были уничтожены еще несколько наиболее свирепых банд: уже известных нам Сабана и Гусека, а также Кожевникова, Капустина, Коротова и другие. Каждая из этих шаек насчитывала в своих рядах по десять-двадцать человек, отлично вооруженных и готовых на любое преступление.

Пожалуй, самой большой удачей Трепалова стала ликвидация преступной группы из 83 человек, орудовавших на Хитровом рынке. Хитровка еще до революции была одним из самых криминальных мест Москвы, а после революции и вовсе превратилась в источник постоянной головной боли для столичных властей. По сути, это было первым организованным преступным сообществом советской эпохи – задолго до того, как появился сам термин «оргпреступность». На счету хитровских бандитов, по меньшей мере, полсотни вооруженных нападений на магазины и склады.

За хитровской бандой московские оперативники гонялись не один месяц. В руки муровцев иногда попадали рядовые бандиты, однако взять с поличным главарей никак не удавалось. И тогда Трепалов пошел на хитрость: прикинувшись уголовником, Александр Максимович внедрился в банду, выведал планы ее главарей и все воровские малины. В результате сыщики накрыли одним махом всю шайку.

Надо сказать, что решение о внедрении Трепалова в шайку далось нелегко. Против этого жестко возражали многие сподвижники самого Александра Максимовича. Однако аргументы Трепалова в пользу внедрения были весомы. Во-первых, никто в уголовном мире Москвы не знал Трепалова в лицо, что, несомненно, облегчало сыщикам задачу. А во-вторых, по оперативной информации, бандиты с Хитровки уже давно замыслили ограбление железнодорожных касс. Эта акция требовала тщательной подготовки и объединения преступных группировок. Вот на этом и можно было неплохо сыграть.

Легенда, которую придумали в МУУРе, выглядела так. Дескать, жил-был в Москве урка по кличке Водопроводчик. Многие обитатели хитровских притонов его хорошо знали. Водопроводчик водил дружбу и с петроградскими коллегами, в частности с известным авторитетом Сашкой Косым. Этот Косой прославился тем, что организовал в городе на Неве несколько удачных налетов и грабежей. Самого Водопроводчика в Москве ликвидировала «уголовка», а вот его кореш – Сашка Косой из Петрограда – готов отомстить за смерть друга и сделать то, что давно предлагал Водопроводчик, – грабануть желдоркасы. За этим, дескать, он и явился к столичным коллегам. Роль питерского налетчика Косого и вызвался исполнить сам Александр Трепалов.

Как потом выяснилось, легенда хитровцам показалась убедительной. Но чтобы максимально исключить какие-либо неожиданности, сыщики решили подстраховаться. В банду Трепалов пришел не один, а в сопровождении одного из подельников Водопроводчика – бандита по кличке Монашек. Тот согласился познакомить Сашку Косого с содержательницей известного хитровского притона мадам Севостьяновой, а та, в свою очередь, должна была шепнуть о госте из Питера Мишке Рябому и другим лидерам Хитровского преступного сообщества.

Так оно и получилось. Уже через несколько дней Трепалов на тайной сходке главарей докладывал «коллегам» о планах ограбления железнодорожных касс. Помимо Мишки Рябого, на сходке присутствовали Чума и Гришка Адвокат. Первоначальное недоверие к питерскому гостю быстро сменилось желанием совместно провернуть какое-нибудь крутое дело: настолько убедительно, спокойно и естественно вел себя Трепалов. Подкупало в нем и щегольство, умение красиво одеваться, – словом, питерский лоск, которого так не хватало столичной «братве». А кроме того, манеры и жаргон северного гостя явно выдавали в нем бывалого и весьма авторитетного урку.

В общем, сомнения вскоре отпали. На сходке был разработан план налета, распределены роли, назначена дата акции и место сбора. Помимо самих главарей, в налете на кассы должен был принять участие практически весь личный состав хитровской шайки, остававшийся к тому времени на свободе, – около двадцати человек. Все они и были арестованы в день ограбления, причем, ликвидация опасной шайки прошла так быстро и четко, что ни один из бандитов даже не успел воспользоваться оружием.

Впоследствии этот метод – внедрение оперативных сотрудников в преступные группы – активно применялся советскими сыщиками повсеместно. Именно так были обезврежены многие банды советского времени. Вспомним знаменитый фильм «Место встречи изменить нельзя», когда в банду уголовников внедряется Шарапов. Ситуация вполне типичная и показана весьма правдиво. А первым советским сыщиком, кто лично применил этот метод, стал Александр Трепалов.

Кроме того, именно Трепалов создал в структуре Московского управления уголовного розыска специальное подразделение – группу по борьбе с бандитизмом. О храбрости и самоотверженности этих людей ходили легенды. Практически ежедневно они рисковали жизнью, выезжая на задержания самых опасных преступников. А в те времена ни одна из операций не проходила без вооруженного сопротивления бандитов. И только благодаря личной смелости Трепалова и его людей в начале 1920-х годов в Москве установился долгожданный порядок, и о таком явлении, как бандитизм, жители столицы забыли почти на двадцать лет.

Следующий всплеск бандитизма, как известно, пришелся на военные 1940-е годы. Но и с бандитами военной поры было покончено довольно быстро: этим занимались ученики и последователи Трепалова – Григорий Тьльнер, Александр Урусов, Касриэль Рудин, Леонид Рассказов. Каждый из этих сыщиков оставил яркий след в истории советского сыска, прослужив в органах правопорядка по много лет.

А вот судьба самого Александра Трепалова сложилась трагично. После нескольких лет службы в МУУР Трепалов резко сменил профиль деятельности, поступив на курсы марк-

сизма-ленинизма и занявшись вопросами экономики. В 1930-х годах он работал в Наркомате тяжелой промышленности СССР, был заместителем наркома Серго Орджоникидзе. После гибели Серго репрессиям были подвергнуты многие его соратники. Трепалов из их числа. Он был арестован и после непродолжительного следствия расстрелян.

В хрущевскую эпоху, когда были реабилитированы многие жертвы политических репрессий, о Трепалове почему-то так и не вспомнили. Реабилитировали Александра Максимовича только в конце 1960-х – очевидно, не без стараний Николая Щелокова, тогдашнего министра внутренних дел СССР, который немало сделал для укрепления органов правопорядка и повышения престижа милицейской профессии.

ГЛАВА 2. ПО СЛЕДАМ ЗАЕЗЖИХ ГАСТРОЛЕРОВ

Благодаря усилиям Трепалова и его соратников, к началу 1920-х годов уровень бандитизма в столице резко пошел на спад. А вот в провинциальных городах борьба с криминалом растянулась еще на несколько лет. Ситуацию осложняло то обстоятельство, что члены большинства провинциальных шаек были не местные жители, а заезжие гастролеры – в основном, из Москвы. После того как МУУР перекрыл криминалу кислород в столице, те из бандитов, кто уцелел в ходе спецопераций и облав, подались в другие города, подальше от Москвы, где милиция, как они полагали, работает не столь жестко и профессионально. Впрочем, и там, на периферии, от бандитских шаек вскоре остались одни воспоминания. Вот лишь парочка характерных историй.

...Банду Мишки Культяпного сыщики Москвы, Орловской губернии, Сибири, Урала, Башкирии выслеживали в течение нескольких лет. Эта шайка успела наследить во многих регионах страны. По данным уголовного розыска, Культяпный и его подручные совершили не менее 78 убийств, а также десятки разбойных нападений на ювелирные и комиссионные магазины.

Действовали налетчики не наобум, а по заранее разработанному плану. Приезжая в тот или иной город, уголовники останавливались где-нибудь в частном жилом секторе или покупали дом на отшибе, в котором тихо сидели, не привлекая внимания соседей. Совершив очередной грабеж, преступники быстро съезжали и оседали где-нибудь в другом неприметном убежище. Именно поэтому милиция долго не могла выйти на след преступников. И только в сентябре 1923 года в Уфе сыщикам удалось взять с поличным самого Культяпного и его подельников. Дело было так.

В один из сентябрьских дней 1923 года пятеро уголовников вломились в комиссионный магазин известного в Уфе предпринимателя Разуваева. В магазине в тот момент находились сам владелец, продавцы и трое покупателей. Направив на них револьверы, бандиты велели всем лечь на пол, после чего заткнули жертвам рты и связали за спиной руки. Пока тела лежали на полу, образовав живой полукруг, налетчики жадно хватали золотые и серебряные изделия.

Вдруг входная дверь с шумом распахнулась, и порог комиссионки переступил местный священник. Один из бандитов метнулся ему навстречу. Однако батюшка оказался не робкого десятка. Сбив бандита ударом могучего кулака, священнослужитель выбежал на улицу и закричал:

– Караул! Грабят!..

Следом из магазина высыпали преступники и попытались рассеяться в толпе прохожих. Но это им не удалось. Случайно поблизости оказался агент уфимского уголовного розыска Якин. Он догнал одного из удиравших уголовников и скрутил его, а подоспевшие на помощь оперативнику граждане поймали еще двух участников вооруженного грабежа.

У схваченных с поличным преступников изъяли оружие и похищенные ценности. Документов у бандитов не оказалось. Поэтому для установления личности преступников быстро этапировали в местный угрозыск. Каковы же были удивление и восторг оперативников, когда вскоре выяснилось: в руки сыщиков попал не кто иной, как сам Михаил Осипов, он же Интеллигент, он же Культяпный, он же «король бандитов», которого искала вся милиция Советского Союза.

Уроженец села Березово Пермской губернии, Михаил Осипов был сыном крестьянки и сапожника. Выходец из низов, Мишка тем не менее умудрился до революции получить высшее образование. Однако ученая карьера Осипова не прельстила, и он подался в криминал, быстро завоевав авторитет среди уголовников. В криминальном мире его уважительно называли Интеллигент.

До революции Мишка промышлял кражами из магазинов и богатых домов России. Дважды его ловили и приговаривали к тюремному заключению. Отсидев срок, Осипов неизменно возвращался к любимому ремеслу.

После революции ничего не изменилось. Только жестокости прибавилось. Если при царском режиме Мишка воровал и грабил, то при новой власти пристрастился к убийствам. Причем делал это с особым зверством. Любимым его «развлечением» был так называемый веер. Ограбив своих жертв, Мишка связывал их веревкой и укладывал обреченных так, чтобы они образовывали как бы веер: ноги одного потерпевшего ложились на ноги другого и так далее, а туловища расходились под углом. Переходя от одного потерпевшего к другому, Мишка острием топора дробил жертвам головы. Видимо, из-за пристрастия бандита собственноручно кроить черепа своим жертвам к нему и приклеилось прозвище – Культяпый.

Суд над бандитами, входившими в шайку Мишки Культяпого, состоялся в Москве. Сам Культяпый, а также восемь его наиболее активных подельников получили «вышку». Остальные отправились исправляться в трудовые лагеря.

Впрочем, в отношении главаря приговор суда мог бы и не состояться: пока шло следствие, Мишка попытался сбежать из тюрьмы. И непременно сбежал бы, если б не бдительность московского сыщика Филиппа Варганова, специально командированного в Уфу для проведения оперативно-розыскных мероприятий по делу Культяпого.

В докладной записке начальству Филипп Варганов подробно изложил суть дела:

«В гор. Уфу я, со своим сотрудником тов. Радченко и уполномоченным Секретной части УРР тов. Савичем, прибыл 16-го ноября с/г. Немедленно по прибытии нами был установлен деловой контакт с начальником Башцентророзыска тов. Прохоровым. Решили немедленно проехать в Уфимский Исправдом, проверить надежность охраны и условия содержания Осипова-Культяпого, так как у меня возникали серьезные опасения о возможности организованного побега. По дороге в Исправдом я дал задание инспектору Козлову по прибытии в камеру Осипова немедленно и внезапно его обыскать. В одиночной камере Осипова тов. Козлов, в нашем присутствии, приступил к личному обыску. Осипов быстро выхватил из кармана пачку записок и начал их запихивать себе в рот. Тогда я схватил Осипова одной рукой за горло, а другой за волосы и повалил на кровать. Т.т. Козлов и Прохоров схватили в это время Осипова за руки и начали отнимать записки. Часть записок, которая осталась у Осипова в руках, с большим трудом, в изорванном и измятом виде, была отобрана, а часть их, которая находилась во рту, несмотря на принятые нами меры, была Осиповым проглочена. Отобранные записки были писаны карандашом, частью буквами, а частью были зашифрованы цифрами. По обрывкам записки, написанной буквами, можно было прочесть следующие фразы: "...Отдай 100 мил.", "понедельник побегу...", "...если не согласится, ты его пострадай бузой, но не проси...". Из всего этого мы поняли, что Осипов-Культяпый занимается подготовкой организованного побега».

Естественно, Культяпого тут же перевели в другую камеру и приставили усиленный караул. А тем временем сыщики под руководством Варганова приступили к расшифровке изъятых у Культяпого записок. В результате кропотливой работы текст удалось восстановить. Письмо было адресовано сожительнице Мишки – некоей Шурке Низковской. В нем «король бандитов» почему-то называл свою пассию «доченькой». Вот это письмо (орфография и стиль автора сохранены):

«Милая доченька. Целую тебя 10.000 раз. Дочь, я ксиву получил; доченька, я человеку тому побоялся довериться. Ты сама знаешь, что это ведь не шутка, а ты, наверно, его ждала, и напрасно. Доченька, дела мои очень скверны. Без помощи мента уйти совсем невозможно, а ему довериться нельзя, отдать ему хотя и вперед деньги, и то он не поможет, а только сделает хуже. Милая дочь, я ведь здесь с ума схожу, все планирую день и ночь. Доченька, это чорт знает как строго меня держат и следят. Мне приходится пойти так: если мент поможет, то в ограде

придется только одного мента шлепать, а второго, может, даже и не придется, а на улице тоже, я думаю, не придется шлепать, но если без помощи мента, то надо будет четверых шлепать в корпусе и двоих – в ограде, не считая на улице еще...».

Далее шли конкретные указания, что и как надлежит делать сообщникам.

Из текста послания стало ясно, что побег готовился, и существенную помощь в его организации Культяпому должен был оказать кто-то из надзирателей уфимской тюрьмы. Разумеется, сыщиками были приняты все необходимые меры, дабы исключить такой вариант развития событий. Кроме того, в трех камерах, в которых поочередно содержался «король бандитов», Варганов провел обыски. В каждой из камер удалось отыскать устроенные арестантом тайники. В одном из них, в углублении под кроватью, хранились два ключа от дверей, ведущих из корпуса в тюремный двор. Сверху это углубление было аккуратно заделано хлебным мякишем, так что найти тайник оказалось непросто.

В другом тайнике сыщики обнаружили английский буравчик, аккуратно запрятанный в неровности на стене. Но что самое поразительное: в стене, у отопительной батареи, были найдены револьвер и несколько патронов к нему. Видимо, из этого оружия «король бандитов» и намеревался «шлепать ментов» в случае необходимости.

Разумеется, столь тщательно подготовившийся побег так и не состоялся. Мишка Культяпый, один из самых свирепых бандитов за всю историю отечественного криминала, был расстрелян вместе с подельниками.

* * *

Начало 1920-х годов выдалось для подмосковной милиции на редкость беспокойным: в окрестностях столицы завелась свирепая шайка, совершавшая набеги на магазины и дома зажиточных селян. Практически каждое такое разбойное нападение сопровождалось убийствами. Точное число жертв до сих пор не установлено.

Дело получило широкую огласку. О похождениях этой шайки даже писали газеты. Во времена НЭПа власти несколько ослабили цензурные строгости, во всяком случае иногда на страницах тогдашних газет появлялись криминальные репортажи о тех или иных резонансных преступлениях. Вот и «подвиги» подмосковной банды не раз попадали в поле зрения падких на сенсации репортеров. В одной из столичных газет в ноябре 1922 года даже появился репортаж с красноречивым заголовком «Люди-звери». Забегая вперед, отметим, что действительно члены этой шайки потеряли всякий человеческий облик, жестоко расправляясь со всеми, кто даже случайно становился свидетелем их злодеяний.

Впервые шайка наследила в начале 1922 года на Поклонной горе. Сейчас это территория Москвы, а в те годы – ближнее Подмосковье, где находилось немало частных домовладений. В одном из них в январе 1922-го были обнаружены шесть трупов – хозяина дома Павла Морозова и пяти его домочадцев. Все жертвы были убиты ударами топора. Предварительно их связали и даже залепили какой-то тряпкой глаза. Расправившись с хозяевами, бандиты разграбили дом и, чтобы скрыть следы преступления, подожгли его. К счастью, пламя не успело охватить здание – бдительные соседи вызвали пожарных, и те сработали весьма оперативно.

Буквально через неделю история с убийствами и поджогом повторилась – на сей раз в Москве в доме № 58 по Нижне-Красносельской улице. Почерк преступников тот же: ударом топора убит хозяин, члены его семьи и посторонний гражданин, снимавший у них комнату. Дом ограблен подчистую и подожжен.

А через два месяца аналогичный случай произошел за двести верст от первопрестольной: на хуторе в Гжатском районе Смоленской губернии была изнасилована и убита гражданка Федотова. Из дома преступники вынесли все ценные вещи, а само здание подожгли.

Стало ясно: в Московской и Смоленской губерниях завелась опасная шайка, промышленная разбойниками и грабежами. На ее ликвидацию были мобилизованы лучшие сыщики Московского управления уголовного розыска. В Смоленск срочно выехала бригада специалистов МУУРа, а расследование этой истории взял под личный контроль начальник столичного уголовного розыска Александр Трепалов. Кстати, это дело стало последним в карьере знаменитого московского сыщика: вскоре Александр Максимович ушел из уголовного розыска, о его дальнейшей судьбе выше уже говорилось.

Итак, в ходе разговоров со свидетелями сыщикам удалось выяснить некоторые подробности того, как действовали разбойники. Оказалось, что они представлялись сотрудниками уездных властей и под предлогом осмотра домовладения спокойно входили в жилища своих жертв. Те, ничего не подозревая, впускали бандитов, отвечали на их вопросы, а проходившие мимо односельчане даже соглашались выступить в роли понятых при обыске, который, дескать, обязаны были провести «представители власти». Об этом сыщикам рассказала 16-летняя девушка, случайно уцелевшая во время одной из расправ.

Случилось это близ станции Паликово Вере́йского уезда Московской губернии. В начале лета 1922 года всю округу всколыхнуло невиданное по жестокости преступление: ночью здесь была убита семья из восьми человек, а также трое охотников, очевидно, случайно оказавшихся рядом. Так вот, по словам свидетельницы, вечером к их дому подошли трое: двое мужчин и одна женщина. Войдя во двор, незнакомцы заявили, что они представители уездных властей и должны провести в доме обыск. Хозяева повиновались и собрались, как того потребовали незнакомцы, в избе. После этого, угрожая револьверами, «представители власти» связали им руки и заперли в чулане. Вскоре в чулан втолкнули еще троих. Ими оказались жители соседней деревни, которые проходили мимо дома, направляясь на охоту. Им предложили побыть на обыске понятыми, те согласились и вошли в избу.

А дальше начался настоящий кошмар. Через несколько часов, когда на улице полностью стемнело, незнакомцы отворили чулан и приказали всем сесть на пол посреди избы. Когда приказание было выполнено, двое мужчин связали всем ноги и залепили тряпками глаза, а женщина с револьвером в руках наблюдала за происходящим. Покончив с этим, преступники начали складывать в принесенные с собой сумки ценные вещи, а затем поочередно подходили к жертвам и убивали людей ударами топора. Первым был убит хозяин дома. Остальные стали кричать, звать на помощь, пытались уклониться от ударов. Но сделать это со связанными руками и ногами оказалось невозможно. Преступники, не слушая криков и просьб о пощаде, продолжали прицельно наносить удары. Через несколько минут все было кончено.

В живых осталась 16-летняя дочь хозяина. Остановившись перед девушкой, убийца на секунду замешкался, и эти мгновения спасли барышне жизнь. Сама того не сознавая, она откинулась назад и оказалась под кроватью, возле которой ее посадили бандиты. Пока убийца нагибался, чтобы вытащить оттуда свою жертву, доска в поле треснула, и девушка скатилась вниз, в погреб, аккурат под стойки, на которых держалась русская печь. Что произошло дальше – девушка не помнила. В памяти остались только стоны умирающих людей да свет фонарика, которым убийцы пытались отыскать в темноте провалившуюся под пол барышню. А вскоре все стихло, и девушка от пережитого страха потеряла сознание.

Очнулась она уже утром. С трудом распуталась, вылезла из погреба и побежала в соседнюю деревню за помощью.

Зверское убийство многодетной семьи потрясло всю округу. Жители даже вышли на сход, потребовав от властей немедленно найти и ликвидировать преступников. А тем временем буквально через пару дней в Наро-Фоминском уезде бандиты убили еще две семьи – в общей сложности двадцать человек, в том числе семерых детей. Затем аналогичные преступления были с интервалом в несколько дней зафиксированы на территории Калужской, Смоленской и Курской губерний. Таким образом, количество жертв неуловимой шайки приблизилось к ста.

Московские сыщики при поддержке местных коллег работали без выходных. К счастью для оперативников, у них случайно появился еще один свидетель. Во время одной из кровавых расправ бандиты, видимо, не рассчитав удар, лишь тяжело ранили молодого парня. А может, здоровье у молодого человека оказалось на редкость богатырским: с проломленным черепом он прожил еще два месяца и даже иногда приходил в себя. При нем постоянно дежурили сотрудники уголовного розыска, и как только парень открывал глаза и мог говорить, с ним тут же беседовали оперативники, пытаясь выудить как можно больше информации о преступной троице. Выяснилось, что один из убийц – тот, который наносил удары, был высоким и рыжим, его напарник – невзрачный и какой-то потрепанный. А вот дамочка, по словам свидетеля, оказалась молодой симпатичной брюнеткой.

По всем отделениям уголовного розыска центральной части страны немедленно полетели ориентировки с подробным описанием бандитов. И вскоре пришла информация о том, что подозрительную троицу видели в Гжатском уезде Смоленской губернии.

В Гжатский уезд срочно отправилась бригада столичных сыщиков. По различным приметам, собрав воедино разрозненную информацию, оперативники пришли к выводу, что лежище бандитов находится в соседнем, Сычевском уезде, в одной из деревень. Именно сюда, в избу местного жителя Ивана Крылова, преступники отвозили награбленное добро, здесь оно и хранилось. В избе Крылова был немедленно проведен обыск, часть похищенных вещей изъята. Некоторые из них опознали уцелевшие свидетели. Хозяина дома взяли под стражу.

Отпираться было бесполезно, и вскоре на допросе Крылов назвал имена своих поделщиков. Ими оказались Василий Смирнов, Иван Иванов и подруга главаря двадцатилетняя Серафима Винокурова. Сыщики быстро навели о ней справки. Выяснилось, что ее отец работал в железнодорожном депо на станции Курск. Биографии остальных членов шайки пока оставались неизвестными.

Однако вычислить имена бандитов – лишь полдела. Теперь их надо задержать. Имена и приметы криминальной троицы были разосланы по всем городам и весям огромной страны. И неслучайно, ибо через пару месяцев бандиты объявились аж на берегах Днепра, в городе Нежин Черниговской губернии.

В дело тут же включились местные сотрудники уголовного розыска. Брать троицу нужно было быстро, пока она не поменяет свое временное пристанище. Поэтому начальник черниговского уголовного розыска принял решение взять бандитов своими силами, не дожидаясь приезда опергруппы из Москвы. В ту же ночь были задержаны Василий Смирнов и его подруга Серафима Винокурова. А вот Иванов ускользнул. Еще несколько дней понадобилось, чтобы установить его местонахождение, а заодно и подлинную фамилию. Каково же было удивление сыщиков, когда после проверки выяснилось: под именем Ивана Иванова скрывался один из самых известных бандитов царской России – некто Григорий Иванович Морозов, представлявшийся еще и Саврасовым.

Этот Морозов-Саврасов прославился тем, что в 1903 году убил городского, попытавшегося его задержать во время очередного грабежа. За это преступление Морозова приговорили к пятнадцати годам каторги. На свободе Морозов оказался весной 1917 года, когда Временное правительство объявило амнистию и из тюрем вышли тысячи уголовников.

Оказавшись на воле, Морозов продолжил свое криминальное ремесло. Сначала действовал в одиночку, потом сошелся со Смирновым и его подругой. Так на свет появился преступный альянс, именуемый в народе шайкой. О кровавых похождениях этой троицы выше подробно говорилось.

Однако на вопросы о местонахождении своего поделщика и Смирнов, и Серафима в один голос твердили, что его нет в живых. По словам преступников, 23 сентября 1922 года троица отправилась на очередное дело, выбрав для этого подмосковный поселок Апрелевку. Добравшись до одноименной станции на поезде, поделщики отошли в глубь леса на версту и стали

поджидать очередную жертву. Вот тогда-то, будучи в засаде, Смирнов и решил убрать своего напарника, который, дескать, уже давно им с Серафимой надоел. Два выстрела из пистолета – и от Морозова осталось лишь бездыханное тело. В тот же день Смирнов с подругой уехали в Нежин.

Получив неожиданное признание главаря, в Апрелевку отправились столичные оперативники. Показания бандита требовали подтверждения. И вскоре они были получены. Действительно, по рассказам местных крестьян, в конце сентября они случайно обнаружили труп неизвестного мужчины на проселочной дороге близ станции Апрелевка. Поскольку личность погибшего так и не установили, тело похоронили в безымянной могиле на местном кладбище. После проведенной эксгумации экспертиза установила: это – останки Морозова-Саврасова, того самого «человека-зверя», лично зарубившего топором не менее сотни человек.

В декабре 1922 года Московский военный трибунал приговорил Василия Смирнова и Серафиму Винокурову за убийство 116 человек (и это только доказанные эпизоды!) к высшей мере наказания.

ГЛАВА 3. УЧИТЬСЯ, УЧИТЬСЯ И ЕЩЕ РАЗ УЧИТЬСЯ!

Разгромив основные криминальные группировки и очистив улицы советских городов от бандитов и убийц, сотрудники уголовного розыска, как и их коллеги из других подразделений милиции, засели за парты. Задача была поставлена предельно четко: ликвидировать неграмотность и повысить образовательный уровень милицейских кадров. Инициатором этого выступил председатель Всероссийского Центрального исполнительного комитета Михаил Калинин. Он неоднократно обращал внимание милицейского начальства на тот факт, что именно сотрудники милиции непосредственно общаются с населением, и от того, насколько грамотно протекает это общение, во многом зависит и отношение людей к представителям власти вообще. Только образованный, интеллектуально развитый милиционер, резюмировал Калинин, может служить проводником идей Советской власти.

И блюстители закона с упоением начали учиться. Если в начале 1922 года в Москве, например, для сотрудников милиции действовала всего одна общеобразовательная школа на тридцать учеников, то ровно через год – уже девятнадцать школ, в которых «гранит науки» грызли более полутысячи человек. В результате к середине 1920-х годов в столице не осталось ни одного милиционера, не умевшего писать и читать.

Параллельно был взят курс и на повышение профессионального мастерства сотрудников угро. На эту тему в декабре 1923 года был издан специальный циркуляр НКВД РСФСР, в котором четко говорилось о необходимости постоянно совершенствовать профессиональные знания. Дескать, преступный мир не стоит на месте, уголовники оттачивают свои навыки и умения, постоянно совершенствуют орудия криминального ремесла. И чтобы успешно бороться с преступностью, сотрудники угрозыска должны знать повадки уголовников и технологию совершения преступлений.

Этот циркуляр стал, по сути, окончательным признанием того, что преступность никуда не денется сама собой, что с ней нужно грамотно и со знанием дела бороться. И красивых революционных лозунгов для этого явно недостаточно. Нужны еще крепкие знания и опыт.

В качестве практических шагов руководителям советской милиции на местах было предписано организовывать музеи уголовного розыска, где в наглядной и доступной форме была бы представлена информация о той самой «технике преступного мира». Первый такой музей появился еще в 1919 году при Московском управлении уголовного розыска. А вскоре на его базе был создан музей уголовного розыска НКВД РСФСР. Опыт столичных сыщиков в этом вопросе был признан удачным, и аналогичные музейные экспозиции предлагалось организовывать по всей стране.

Кроме того, на помощь сыскарям пришла ведомственная печать. В каждом крупном подразделении милиции было решено издавать свои ведомственные газеты, на страницах которых печатать всякую полезную для практических работников информацию. Особой популярностью у читателей таких изданий пользовались статьи за подписью опытных сыщиков, в которых они делились своим личным опытом, рассказывали о том, как распутывали то или иное преступление и к каким уловкам прибегали преступники, чтобы замести следы. В Москве, например, в 1920-е годы выходила газета «Красный милиционер и пожарный». Те номера газеты, где публиковались статьи о работе сыщиков Московского уголовного розыска, зачитывались буквально до дыр.

О том, что идеализм первых лет революции остался в прошлом, говорит и такой факт. В июне 1923 года в СССР стали создаваться научно-милицейские общества. Их задача – изучать и обобщать весь арсенал средств, используемых в борьбе с криминалом, как в России, так и в

зарубежных странах. Причем, один из пунктов программы научно-милиейских обществ так и звучал: «Изучение организации и работы полиции и жандармерии в России». Оказалось, что и до революции в нашей стране существовала довольно эффективная система противодействия преступности, а опыт царских специалистов в этом вопросе может пригодиться и советским сыщикам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.